

1

Волна нависала горой с белоснежной вершиной. Шхуну мчало прямо на нее. Миг, и гора обрушится. Раздавит! Потопит!

Но... Быть может, и нет.

Два часа назад моряки набили себе животы сухарями и холодным рисом, потому что с набитым животом человек становится гораздо устойчивее. Жаль, что салага юнга перегнулся через борт и уже расставался за милую душу со всем съеденным. Баталёр* позеленел, как лягушка, а штурман Феликс, здоровенный верзила, вцепился, чтобы не смыло, обеими руками в штурвал.

Волна обрушилась на «Изабеллу», словно Страшный суд. Салагу юнгу запросто унесло бы за борт, не ухвати его Феликс за ногу. Матросы, которые откачивали помпой воду из трюма, с опаской прислушивались, как кряхтит грот-мачта,

---

* Человек, ведающий на судне продовольственным и вещевым снабжением. — *Здесь и далее — примечания переводчика.*

а те, что работали на палубе, судорожно цеплялись за ванты. Последний час наступал для них не впервые. Моряки принимали беду терпеливо и беспрекословно выполняли команды адмирала Дорека, который орал что есть силы, перекрикивая грохот бури. Не подчинялся командам адмирала лишь один-единственный человек на шхуне.

— Принц Тибо! Сделайте милость, спуститесь к себе в каюту, — не приказывал, а умолял адмирал.

Но принц Тибо не внимал мольбам. Шхуна «Изабелла» — его судно, экспедиция — его идея, а тридцать два моряка — его команда. Поглядишь, как принц в непромокаемом плаще до полу вычерпывает котелком воду, а с широких полей его шляпы льет поток, и не увидишь разницы между наследником трона в Королевстве Краеугольного Камня и самым обыкновенным матросом.

Волны вокруг шхуны поднимались в три раза выше грот-мачты, их гребни были увенчаны белой пеной, а в изумрудной зелени боков мелькали причудливые тени — кашалоты и крылатые дельфины.

Буря опять пришла, и все по заведенному: набухшее небо, мокрая одежда, красные руки, оборванные снасти, погасшие фонари, сверкающие молнии. «Изабелла» — хрупкая ореховая скорлупка в бездонном океане, люди — пылинки в этой скорлупе.

Время не ждет, ведь действовать нужно стремительно, время тянется бесконечно, потому что ни у кого уже нет сил.

День перетек в ночь, и неожиданно-негаданно, когда о спасении никто и мечтать не смел, облака немного разошлись и засияла звезда. Потом две звезды. А потом целое созвездие.

Буре конец. Как налетела она в один миг, так и утихла.

— Дозорный наверх! — скомандовал адмирал.

Вахтенный Пусен ловко добрался до наблюдательной вышки, расположенной на грот-мачте, и крикнул оттуда:

— Вижу землю!

О земле они тоже не мечтали.

— Наверное, Кириоль, адмирал? — спросил принц Тибо, отводя светлую прядь волос, всегда падавшую ему на глаза.

Адмирал Дорек передал вопрос впередсмотрящему:

— Пусен! Это Кириоль?

Дозорный наверху уперся локтями в бортник, чтобы сохранить равновесие, открыл компас и стал определять расположение темной полосы на горизонте.

— Так точно, господин адмирал!

— Хм, — выдавил из себя Дорек.

— Надо же, вот и Кириоль, — раздался у него за спиной знакомый голос.

К принцу Тибо и адмиралу подошел Гийом Лебель, первый помощник; он промок насквозь, черты лица обострились от усталости, но темные глаза смотрели, как всегда, живо и весело. Лицо у Лебеля молодое, загорелое, а коротко остриженные волосы совершенно седые. Удивительный контраст.

— Хм, — снова выдавил адмирал.

— Отлично, — обрадовался Тибо. — Зарю мы встретим уже в порту.

Он приготовился объявить команде о побывке в городе. Матросы заслужили отдых, отменно потрудившись в бурю, которая могла их сильно задержать.

— Ни в коем случае, выше высочество, — остановил принца адмирал Дорек. — Мы бросаем якорь немедленно.

— Но, господин адмирал... — начал Гийом Лебель, удивленно протирая глаза.

Адмирал Дорек смерил его суровым взглядом. Он пользовался любым предлогом, чтобы поставить помощника на место, потому что завидовал ему. Природа щедро одарила Лебеля. Глубокому бархатному голосу охотно повиновались, прямые и дельные суждения уважали. К тому же он был отличным лоцманом, так что начальнику крайне редко выпадала возможность поучить его чему-нибудь, и теперь адмирал откровенно наслаждался.

— Дозорный увидел маяк, Гийом Лебель, — снисходительно проговорил Дорек и, сложив руки рупором, крикнул: — Ты видишь маяк, Пусен?

— Маяк, и не один! Их много, — подтвердил дозорный. — Маяки выстроились, будто дорогу нам указывают.

— Нисколько не сомневаюсь. Спускайся, Пусен!

Дорек повернулся на каблуках и окликнул двух проходивших мимо матросов:

— Феликс! Овид! Отдать якорь!

Верзила рулевой и толстяк баталёр бросились исполнять команду.

— Я не могу понять, адмирал... — начал Тибо.

— Многие соблазнились маяками Кириоля, ваше высочество. Вид привлекательный, ничего не скажешь. Но никто и никогда не станет подходить к Кириолю ночью. Никогда. Если дорожит судном. Командой. Товарами.

— О чем вы? Маяк — он и есть маяк. Разве нет?

— Если стоит в порту, а не в глубине суши.

— Что значит «в глубине суши»? — воскликнул Лебель и удостоился второго снисходительно-укоризненного взгляда.

— Всем известный факт, Гийом Лебель. Суда, которые доверяются маякам Кириоля, садятся на мель. Неважно, прилив на море или отлив. Конечно, кириольцы приходят им на помощь, и даже с большим удовольствием. Помогают высажить людей, а заодно очищают трюм. Кириольцы — пираты, которые не утруждают себя морскими плаваниями. Ненавижу кириольцев.

— Сто раз от вас слышал эту фразу, — заметил Тибо.

— Тысячу, — уточнил Гийом. — И не постыжусь повторить: ненавижу кириольцев.

Собеседники замолчали. В тишине позвякивала якорная цепь. Никто не спорил с Альбером Дореком, маленьким человечком, который требовал, чтобы все его называли адмиралом, хотя в Королевстве Краеугольного Камня армии не было и в помине. Право на высокое звание подарили ему полвека морских путешествий и лысый череп, на котором играли океанские блики. Он прославился еще в молодости, когда желторотым матросом спас от верной гибели полярную экспедицию, которой очень не повезло. Экспедиция вернулась на родину с двумя шкурами белых медведей, бочкой тюленьего жира, отмороженными ушами и пальцами ног — и положила начало блестящей карьере юного Дорека.

Теперь адмирал повиновался только приказам короля Альберика, который доверил ему принца Тибо. Долг свой Дорек исполнял с присущими ему добросовестностью и рвением. За адмиралом водился один-единственный грех: он жить

не мог без миндального печенья. Печенье доставляли ему из родного города в большой жестяной коробке, и он прятал ее к себе под подушку. Именно сейчас адмирал вспомнил о печенье и сразу отдал приказ:

— Всем спать! Кроме вахтенных.

Вахта сменялась каждые четыре часа по удару большого корабельного колокола, ночная вахта зачастую была самой спокойной.

Тропики, влажные, душные и душистые, баюкали в своих объятиях «Изабеллу». Полярная лисичка, вырезанная на носу шхуны, насторожив уши, тянула мордочку вперед. Тишину нарушал скрип мачт и плеск морских волн, мягко ударяющих в борта. Изредка раздавался храп.

Шхуна провела в плавании уже полтора года. Моряки навидались редкостных зверей, удивительных растений, колдунов и шаманов с причудливыми ритуалами. Каких только диковинок не скопилось в трюме «Изабеллы»! Каких только образчиков редких минералов! А вот по части еды стало туго: сухари, что оставались в кладовой, до того затвердели, что их рубили топориком, а в бочонке с пресной водой поселились жирные черви. В общем, «Изабелле» пора было пополнить запасы продовольствия, а экипажу немного поразмять ноги. Неделю за неделей матросы видели вокруг одну и ту же морскую гладь. А развлекали их только капризницы бури, вызывая тошноту и покрывая палубу морскими коньками. Твердая земля не повредила бы сейчас никому.

Потому-то Тибо и решил непременно причалить в Кириоле.

Адмирал Дорек не одобрял его идеи. Кириоль — остров соблазнительный, но очень опасный. Конечно, там растут сочные манго, прохожих на улицах развлекают певцы и фокусники, а от пестрых вывесок глаз не оторвешь... Но сколько там кривых переулков, воров и контрабандистов! Хвалить Кириоль можно только в насмешку, а у адмирала плоховато с чувством юмора.

Как раз незадолго до бури Дорек играл с Тибо в шахматы. Они всегда играли по средам: король Альберик заботился, чтобы у сына голова оставалась на плечах. Адмирал играл плохо, а когда проигрывал, сердился. Но на этот раз ему было не до шахмат: он думал только о предстоящей остановке в Кириоле, и настроение у него заранее испортилось.

— Нужно будет кого-то оставить на судне, — то и дело повторял он. — Я видел не раз, как обчищали суда в Кириоле. Кто-то должен охранять «Изабеллу».

— Смотрите на доску, адмирал! Ваш ход.

— Кто-то должен присмотреть за фок-мачтой, ваше высочество, — продолжал Дорек, рассеянно передвигая пешку. — За марсеями, стакселем, гротом, гафелем...

— Одним словом, за парусами.

— Да, ваше высочество, за парусами. А еще за вантами, фалами, шкотами...

— Иначе говоря, за снастями.

— Именно, принц. За такелажем, за тем, чем мы пользуемся, ставя паруса.

— Мне известно, что такое такелаж, адмирал.

— Не сомневаюсь, ваше высочество. Так вот, я подумал и решил: на борту останусь я сам.

— Жаль, — сказал Тибо, улыбнувшись про себя. — Значит, за мной какой-нибудь подарок. А пока шах и мат, адмирал.

Тибо принесет Дореку из Кириоля множество подарков. Беды адмирала только начинались.

2

День выдался тяжелый, так что Тибо не успел раздеться, не успел даже сапог снять, как провалился в сон. Глубокий, свинцовый сон. Спящий Тибо — да и бодрствующий тоже — был похож на свою мать, кружевницу Элоизу, обожаемую жену короля Альберика: тот же широкий лоб, светлые брови и ресницы, черты не совсем правильные, но приятные, выражение лица доброе и открытое. Королева Элоиза умерла, когда Тибо был еще ребенком. После ее смерти король Альберик не оправился.

Отец подарил принцу «Изабеллу» на пятинадцатилетие, потому что почувствовал: сыну тесно в их маленьком королевстве. И вот на протяжении нескольких лет красивое трехмачтовое судно из белого дуба появлялось в гавани Краеугольного Камня лишь для того, чтобы вскоре уплыть. Море стало принцу наставником и другом. День за днем оно меняло его, как дождь, капля за каплей, обтачивает скалу. Тибо знал: он не сможет больше свободно гулять по свету, как только на его голову возложат корону. Тогда его временем

станет распоряжаться народ, суровые обитатели суровой земли, на которой каждый съедобный корень означал победу над камнями и ветром. Он будет принадлежать своему острову, колыбели замечательных художников-ювелиров, острову, который из поколения в поколение повторял удивительный подвиг: хранил миролюбие в воюющем мире.

Вот Тибо и пользовался юностью, странствуя по белому свету. Однако у него была и другая причина бежать из дома. Он никому не говорил, что во дворце ему не по себе. Смутно предчувствовал, что равновесие, хранимое столько веков, вот-вот рухнет. Тибо снедала странная тревога. Он не понимал ее причин, да, если честно, и не хотел понимать. Не хотел говорить о ней, не хотел думать и уплывал с каждым годом все дальше от родного дома. На этот раз он отправился в тропики под предлогом уточнения карт и изучения геологии южных гор. Это было самое дальнее, самое дерзкое его путешествие. И последнее. Но об этом он пока не знал.

На следующее утро после бури Тибо проснулся рано с мыслью о Кириоле. Отяжелевшие веки разлеплялись с трудом, но внезапно он увидел нечто такое, отчего глаза распахнулись и он чуть не свалился с постели. Вокруг все светилось удивительным неземным светом. Лампа, сундук из кедра, шляпки гвоздей на двери, лупа, кожаное ведро, пуговицы на плаще, висящем на крючке, сам крючок. Все обрело хрустальную прозрачность, все сияло. Крылья, вырезанные на стенных панелях, трепетали, готовые взлететь. Тибо в жизни не видел ничего прекраснее. И был счастлив. Безмерно. До боли.

Тибо приподнялся на локте, вытянул шею. Миг, и чудо исчезло. Все стало таким, как обычно, — удобным, непрозрачным, обыкновенным. Мебель прикручена к полу. Крылья на дубовых панелях неподвижны. Потертые подушки. Лак потускнел там, где он ставил на стол локти. На плаще масляные пятна. Низковатая для него притолока двери. Ему что, сон приснился? Скорее всего.

Тибо встал, старательно умылся и переоделся. Сегодня — Кириоль.

Моряки, собираясь сойти на берег, наводили лоск, надевали кители — что-что, а парадную форму они всегда берегли в чистоте, — кое-кто даже успел заглянуть в лазарет к судовому доктору, который заодно исполнял обязанности цирюльника, хотя стрижки ему редко удавались. Но неважно, стали они красавцами или нет, зато все, ступив на землю, почувствовали себя счастливыми.

Моряки простились с портом, поднялись лабиринтом узких улочек с ярко-желтыми домами и вышли на просторную площадь. Как аппетитно тут пахло жареным мясом, свежим хлебом, карамелью! Платаны, что тянули корни между булыжниками, были украшены цветными фонариками. А какая пестрая, веселая толпа вокруг! Кого только не встретишь — жонглеры, кукольники, торговцы побрякушками, гадалки — все зазывали, все предлагали свои услуги.

Моряки решили не по-детски отпраздновать день рождения салаги-юнга, который прибавил себе годков, лишь бы его взяли на шхуну. За худобу паренька прозвали Щепка. В этот день ему исполнилось тринадцать, так что его пребывание на судне стало вполне законным. Тибо не был уверен,

что веселье не закончится дракой, и предпочел компанию кока, судового врача и двух штурманов, Феликса и Бушприта.

Феликс и Бушприт были братьями, но трудно найти на свете двух настолько непохожих людей. Профессия штурмана в их семье передавалась от отца к сыну. Бушприт (имя для корабельщика не случайное) был маленьким, мускулистым, кривоногим и отчаянно азартным. Феликс был выше брата на три головы. Здоровенный верзила отличался от всей команды тем, что был необыкновенным чистюлей, менял каждый день рубашку, вел себя деликатно и любил красоту. Честное слово, можно было подумать, что в парне-великане спряталась нежная девица. Этим утром Феликс мечтал уговорить товарищей пойти полюбоваться экзотическими украшениями, но, конечно, не решился. Бушприт и так за-тыкал его, стоило ему открыть рот.

Кок еще на шхуне прожужжал им все уши, расхваливая знаменитое рагу Кириоля, так что они направлялись в таверну. А пока купили себе крупного сладкого винограда, несли грозди в руках, и руки у них тоже стали липкими и сладкими.

Путь лежал мимо столиков писцов.

— Ах, что за чудо волосы! — Феликс залюбовался де-вушкой-писцом с пальчиками, испачканными чернилами, которые прилежно писали под диктовку пожилой дамы.

За соседним столиком работал толстяк с маленькой зеленой обезьянкой на плече. Громкими замечаниями он совсем заморочил клиента. Посреди фразы толстяк щелкнул языком, обезьянка мигом соскочила с его плеча и нырнула под стол, собираясь стащить кошелек простофили.

Воровство! Тибо не терпел воров.

Принц уронил большую зеленую виноградину прямо перед носом обезьянки. Она не устояла, схватила и бросилась догонять следующую, покотившуюся по мостовой. Хозяин кричал, звал ее назад, но Тибо кидал виноградину за виноградиной и уводил обезьянку все дальше. Вся кисть досталась обезьянке. Писец вскочил на ноги, уронив стул.

— Эй ты! Белобрысый! — завопил он на местном наречии.

Принц его словно не услышал, толкнул дверь таверны и вошел внутрь. Его товарищи заказали себе огромные порции рагу, а Тибо заинтересовался азартной карточной игрой, которая шла неподалеку от стойки. И вдруг заметил, как один из игроков достал из рукава трефового туза.

Шулер! Тибо не терпел шулеров.

Не раздумывая, он толкнул доктора, и тот вылил на стол миску горячего рагу. Обрызганные соусом игроки повскакали с мест. Принц, врач и штурманы в тот же миг выбежали из таверны. Кок не собирался расставаться с рагу, но понял, что промедление смерти подобно, и тоже высочил за дверь, чуть не плача от огорчения.

День и дальше был полон таких же сюрпризов. Конечно, были вокруг жонглеры и фокусники, бил фонтан из шоколада, летали райские птицы, но на глаза Тибо постоянно попадались воры, шулеры и лжецы. И он то и дело вмешивался в чужие дела, потому что не мог иначе. Мало-помалу жители города, где мошенничество — главное ремесло, стали косо смотреть на принца. А товарищи Тибо с тревогой поглядывали по сторонам, понимая, что им хочется поскорее